

Лаборатория и грандиозный смотр

Марина Чертогова, искусствовед, заместитель директора по научной работе музея изобразительных искусств Кузбасса, о тенденциях межрегиональной выставки «Сибирь — XIII»

Марина Юрьевна, что дает искусствоведу межрегиональная выставка «Сибирь — XIII»?

Эта выставка — грандиозный смотр творческих сил обширного региона, каким является Сибирский федеральный округ, такой смотр проводится раз в пять лет. Перед искусствоведом разворачивается панорама художественной жизни, в которой можно отследить этапы развития, актуальные тенденции, новое поколение, яркие имена. Не по книгам, не по локальным выставкам, а на огромной площадке, равной футбольному полю, мы знакомимся с произведениями разных видов искусств, разных жанров, художников разных поколений. Для меня как музейщика это богатая возможность сравнивать и выбирать. Как правило, работы отличаются содержательной и формальной завершенностью, всегда мало. Эти работы нужно увидеть, оценить и сделать так, чтобы они остались в коллекции музея. Если они остаются в музейных фондах, значит, они остаются в истории. Жизнь конечна, а коллекции остаются. И это свидетельства о нашей эпохе, нашей жизни. Межрегиональные выставки я очень ценю. Как искусствовед я оцениваю новые тенденции, и я хочу видеть новые яркие имена, чтобы потом следить за ними. Кто-то разочаровывает, а кто-то идет по восходящей. Я слежу за творческими биографиями Елены Бобровой, Николая Зайкова, которых знаю по их участию в молодежных выставках «Аз. Арт. Сибирь». Кроме того, подобные вернисажи дают возможность знакомиться с художниками непосредственно. Мало видеть работы художника, для полноты впечатлений надо быть лично знакомой с художником.

Были опасения, что нынешняя выставка окажется слабее той, что проходила в Барнауле 40 лет назад, что «Сибирь — XIII» проиграет «Сибири - V». Каково ваше мнение?

Я имею представление о выставке сорокалетней давности. Через пять лет выставка была у нас, в Кемерове, и я ее хорошо помню. Я не скажу, что «Сибирь — XIII» проигрывает, она другая. Разные эпохи, разные мироощущения, разные задачи. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Поэтому выставки советских лет, которые носили название «Сибирь социалистическая», — это были выставки большой формы, глубокого тематического звучания, сложных художественных задач. Предпочтение отдавалось картине

как жанру, который наиболее труден. Художник должен был являть изобразительную грамоту, а еще лучше мастерство исполнения. Полотна создавались не в один присест, не в первом приближении, не одним касанием кисти, пусть даже хлестким и эффектным. Там были работы, образы, осмысляющие большие темы, судьбы человеческие и историю страны, трудовую доблесть, как бы это сейчас ни звучало пафосно. Я помню портреты людей труда (обожаю их), они настолько достоверны, правдивы, глубоки. И я не говорю о портретном сходстве только, это были психологические портреты. Художник, прежде чем написать работу, долго к ней готовился, подступался, искал решение. А когда пострадаешь, то и особый результат получишь. И даже если писались пейзажи, они все равно имели картинное звучание. Это была установка. Если ты художник, член профессионального сообщества, то должен ставить высокую профессиональную планку и достигать ее, быть профессионально состоятельным. Ныне не так. Много мелких работ, много работ открытого декоративного звучания. Красиво? Да. Но этого мало. Вот натюрморты — их немало — ощущение, что это выполнили студенты старших курсов или недавние выпускники. Рисунок с погрешностями. Работы, о которых можно говорить по большому счету, на выставке есть, но их мало. Однако таких работ всегда мало.

То есть, если выбирать для музея и перечислить эти работы, то одной руки хватит?

Для меня — да. Искусство очень субъективно, хотя искусствоведение — наука. Это всегда личностное отношение к тем или иным работам. И художник никогда отстраненно не работает, всегда личностно. Да, у меня немного работ, которые я взяла бы в музей.

Равнозначен ли отбор для музея и для следующего этапа выставки — «России», которая пройдет осенью в Москве?

Нет, выставка не музей. Выставка допускает больший диапазон. Отбор на выставку всегда коллективный. Сколько членов выставкома, столько мнений. Это будет отличаться от фондово-закупочной комиссии музея. Выставки для того, чтобы люди ходили и сравнивали, выбирали, замечали новые тенденции, а вот образ, который раньше не встречался. Выставка — это лаборатория, она предполагает поиск и результат.

Каковы же новые тенденции? Что вы отмечаете?

С моей точки зрения, чего не было прежде и что есть сейчас, — это совершенно разный уровень работ. Рядом могут быть откровенно студенческие работы и вещи, которые претендуют на музейное приобретение. В советские годы подобного не было. С темами можно было соглашаться или нет, но профессиональный уровень выдерживался, он был в одной шкале. Здесь же есть профессионалы и люди, плохо владеющие изобразительной грамотой. Такого разброса я прежде не видела.

Пять лет назад такого не было?

Тенденции начинались. Но пять лет назад нас объединили с Бурятией — Улан-Удэ, Чита. Если честно, я была ослеплена тем материалом, который представили эти регионы. Скорее всего, потому, что я с ними была недостаточно знакома. Свой круг известен, даже если пять лет не встречаешься, но все равно выезжаешь в соседние города, видишься с художниками, мастерские их посещаешь. Это знакомый материал. А появились свежие творческие силы, да еще с такими

Марина Чертогова. Фото из личного архива

национальными корнями, с тончайшей стилизацией... Я была ослеплена. Так вот, тенденции были, это же не может появиться сразу — такая неровность. Это ни хорошо, ни плохо. Хорошо, что выставка отражает расклад творческих сил, состояние профессионального сообщества. Вот какие мы.

Слышала мнение, что Иркутск — законодатель мод. Согласны? Что вы можете сказать о регионах?

Нет, Иркутск не законодатель мод, с моей точки зрения. Иркутск — это великолепная школа, одна из старейших в Сибири. Школа — живописная, сложного колорита, декоративности, богатства цветового звучания, сочного пастозного письма. Андрей Рубцов, Анатолий Костовский, Николай Вершинин, Борис Десяткин — это художники, представлявшие в свое

время иркутскую школу. С какого-то периода она стала уходить в декоративность. Это качество было и раньше, но присутствовало в живописной эстетике, теперь же чистая декоративность. Мне жаль той школы. Однако ее продолжает Валериан Сергин, художник старшего поколения, но он живет в Красноярске, а учился в Иркутске. Эту же школу продолжает молодая Елена Боброва из Омска. Уникальная художница, она одна такая. Мне кажется, Омск — город европеизированного искусства, более рационального, а Боброва пишет наотмашь, ей свойственна живописная экспрессия. Она больше подходит тяжелой, богатой, сложной живописи иркутян. Омск демонстрирует искусство идей, концепций, что ближе и Новосибирску, и вообще большим городам. Весьма своеобразна Тыва. Здесь господствует камнерезное искусство как народный промысел. В Иркутске ушла Галина Новикова, мастер психологического острохарактерного, стилистически очень выразительного портрета. И появился Анатолий Погребной, который, можно сказать, соперничает со старыми мастерами в стилистике. Но внутреннего протеста у меня это не вызывает, потому что он очень хорошо владеет своей профессией. Мне интересно то, что он делает. В своих работах он обращается к людям нашего круга, на холстах — искусствоведы, музейщики, художники. Он работает неспешно и приходит к глубоким образам. Его манера не самобытна по отношению к мировому искусству, но в искусстве нашего региона это новая линия. Мне нравится индивидуальная линия Сергея Элояна. Он работает в малых камерных формах. Его искусство исполнено духовного созерцания. Люблю смотреть на его работы, они медитативные. В такой же медитативной эстетике работает Наталья Спесивцева из Новокузнецка, у нее тончайшее письмо тушью. Эпоха постмодернизма, может быть, уже отошла, но нас по-прежнему трудно удивить. Но когда у художников появляются индивидуальные линии, я это очень приветствую.

Есть ли регион, который можно назвать законодателем мод в Сибири?

Мы можем сказать, что в Алтайском и Красноярском краях самое большое число художников. Но сказать, что кто-то лучше — это будет неправильно. В каждом регионе свои ориентиры, свои отдельные уникальные мастера, свои излюбленные темы и жанры. Но сказать, что кто-то вырвался вперед, а остальные в фарватере...

Необязательно в фарватере. Но есть, например, на что оглядываться, на школу...

На мастеров оглядываются.

Кто сегодня мастера?

Николай Рыбаков — большой мастер из Красноярска, это человек одержимый искусством, таких мало. Всю свою жизнь он посвятил поиску и искусству. График, сейчас живописец, он меняет стилистику, тематику, вообще концепцию своей живописи, и всякий раз это очень талантливо и глубоко. Пройдут века — его произведения будут оставаться. Георгий Кичигин из Омска работает в эстетике гиперреализма (хотя сами художники не согласны с этим определением), там социальная боль, он как будто передвигник на современном этапе. Но более острый, более жесткий. Из молодых Елена Боброва со своей открытой экспрессией, когда душа наружу. Скульптор Валерий Треска из Кемерово. Валериан Сергин, мастер пейзажа-картины со сложной живописностью. Это те, кто сразу вспомнились, но таких художников первого эшелона, их больше.

Лариса Вигандт